

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX—XX вв.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Русское буржуазное источниковедение как самостоятельная наука со своим предметом и методом исследования сложилось лишь в конце XIX — начале XX в., однако элементы источниковедческого анализа, определения, разыскания и критики источников были присущи русской исторической науке с самого начала ее становления¹.

Естественно, что прежде чем приступить к классификации исторических источников, русские историки должны были выявить их основные виды и выяснить их источниковедческую ценность.

Подготовительный период в разработке классификации исторических источников ведет свое начало от XVIII в. Уже первые обобщающие труды XVIII в. по русской истории дают перечень и краткую характеристику использованных источников. Так, В. Н. Татищев в «Предъизвещении» к своей «Истории российской» указывает на «генеральные» (т. е. общие) источники (Повесть временных лет, Степенная книга, Хронограф и Синописис) и «топографии» (т. е. местные) источники — на древ-

¹ Следует помнить, что ряд видных историков прошлого (Соловьев, Костомаров, Павлов-Сильванский, Пресняков и многие другие) не занимались вопросами классификации исторических источников, поэтому в данном обзоре они не упоминаются. Исключение сделано для историков XVIII — начала XIX в., труды которых подготовили создание первых отечественных схем классификации источников. За недостатком места мы не анализируем подробно классификационные схемы исторических источников, предложенные в чисто учебных целях (см., напр., В. Я. Шульгин. Курс всеобщей истории, ч. I, СПб., 1856, стр. 3), или схемы, касающиеся источников по истории Греции, Рима и западных стран, разработанные русскими историками, которые не ставили перед собой задач научной классификации (см. П. Аландский. История Греции, Киев, 1855, стр. 36—57; П. Г. Виноградов. История Греции, М., 1895, стр. 28—31; то же, изд. 1900 г., стр. 52—57). В начале XX в. наиболее разработанную схему классификации источников истории древнего мира изложил в своих лекциях В. П. Бузескул (см. В. П. Бузескул. Введение в историю Греции, Харьков, 1903, стр. 2—295). Хотя она и встретила возражения рецензента этих лекций А. И. Покровского (см. «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине», т. 21, Нежин, 1904, стр. 15—21), В. П. Бузескул в дальнейших изданиях книги свою схему сохранил без изменений. С. А. Жебелев, давая отзыв на второе издание, не возражал против этой схемы (см. «Сборник отчетов о премиях и наградах за 1907 г. (Премия имени графа Д. А. Толстого)», СПб., 1908, стр. 159—167), а рецензент третьего издания В. Ф. Смоленский прямо написал, что схема В. П. Бузескула «значительно целесообразнее, чем та, которая принята во многих немецких учебниках» (В. Ф. Смоленский. Рецензия на книгу В. Бузескула, Казань, 1916, стр. 2).

Настоящий обзор не претендует на библиографическую полноту, он ставит своей целью проанализировать основные, важнейшие системы классификаций исторических источников. За его пределами остаются и системы классификаций археологического и этнографического материалов, требующие специального исследования.

нерусские сказания, жития, записки, чины венчания на царства и свадебные разряды. Перечень источников он заканчивает четырьмя-минееми и прологами, замечая, что пользоваться ими надобно «с рассуждением». Вслед за этим В. Н. Татищев посвящает особые главы своей «Истории» анализу «Повести временных лет» (гл. 5), летописцев, писавших после Нестора (гл. 6), одиннадцати «летописей или манускриптов» (гл. 7); 4-ю главу В. Н. Татищев посвящает так называемой Иоакимовской летописи². Привлек Татищев и новые исторические источники — дипломатические бумаги и акты³.

Те же виды источников выделяет и М. В. Ломоносов⁴, добавляя к ним лингвистические источники и устные сказания в качестве самостоятельных видов исторических источников⁵. В дальнейшем мы наблюдаем накапливание знаний о различных видах источников. Г. Ф. Миллер в статье «Опыт новейшей истории о России» выделяет летописи, хронографы, степенные книги, родословцы, разряды, архивные письма⁶.

Н. И. Новиков впервые обратил внимание на такие исторические источники, как духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, синодики, посольские книги, картографические источники и т. д.

А. Л. Шлёцер расширяет круг источников, выделяя в особую группу археологический материал⁷. М. Т. Каченовский в статье «Об источниках для русской истории», как и предыдущие историки, ограничивается простым их перечнем⁸.

В предисловии к I тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин помещает специальную главу «Об источниках российской истории», но, следуя еще традиции XVIII в., ограничивается несколько расширенным перечнем источников без всякой попытки какой-либо их классификации. Так, например, в одну группу он помещает монеты, медали, надписи, сказки, песни и пословицы, отметив, что это «источник скудный, однако ж не совсем бесполезный»⁹.

Первым историком, предложившим классификацию исторических источников, был Н. А. Полевой. Он разделил все исторические источники на две группы — отечественные и иностранные, каждая из которых включает в себя следующие виды:

I. *Летописи или временники*, то есть современные разным событиям записки или заметки людей о том, что они сами видели или слышали.

II. *Памятники дипломатические*, т. е. грамоты, договоры, записки, относящиеся к политическим сношениям между владетелями, областями, городами, народами.

III. *Памятники палеографические*. Сюда относятся все сохранившиеся от древних времен сочинения, прямо или косвенно объясняющие

² В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 41—43, 107—125.

³ М. Н. Тихомиров. Труды В. Н. Татищева. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 188.

⁴ М. А. Алпатов и М. Н. Тихомиров. Труды М. В. Ломоносова. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 194.

⁵ М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 70—72. Устные источники и летописи выделял и М. М. Щербатов. См. М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, под ред. И. П. Хрущева и А. Г. Воронова, т. I, СПб., 1901, стр. 5—27.

⁶ «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., январь 1761 г., стр. 8—20.

⁷ «Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлёцером», ч. I, СПб., 1809, стр. 89—114.

⁸ М. Т. Каченовский. Об источниках для русской истории. «Вестник Европы», 1809, № 3, стр. 193—210, № 15, стр. 209—218.

⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, изд. 2-е, СПб., 1818, стр. XXXIV. Перечень Н. М. Карамзина полностью повторил А. З. Зиновьев в своей работе «О начале, ходе и успехах критической российской истории», М., 1827, стр. 9. Рецензию М. Погодина на эту работу см. «Московский вестник», М., 1827, ч. 3, стр. 51—53.

историю, веру, законы, нравы, обычаи, поверья народов; частные исторические записки, заметки и повествования.

IV. *Памятники археографические*, сохранившиеся в надписях на гробницах, зданиях, разных вещах; монеты, медали, изваяния, могущие передавать нам предания веков в безмолвных своих вещаниях.

V. *Памятники географические*. Важное пособие для истории! Филологические изыскания о живых урочищах, сохранившихся в какой-либо стране в названиях земель, областей, народов, рек, гор, городов, разных мест, служат пояснениями для сведений о начале, распространении, движении народов и для известий о политических и гражданских делах их.

VI. *Предания, сказки, песни, пословицы*, относясь к истории по основанию, которое служило для них поводом, и выражая дух времени, могут быть принимаемы в соображение при историческом обзоре»¹⁰.

Отвлекаясь от несовершенства терминологии, объясняемой неразработанностью вопроса, следует высоко оценить эту первую в русской исторической науке систему классификации источников. По уровню анализа источников Н. А. Полевой был безусловно ниже Н. М. Карамзина, но он правильно выделил в особую группу летописи, дипломатические документы, вещественные (по его терминологии «археографические») памятники и устные источники. Наиболее уязвимой в его системе классификации оказалась группа «палеографических» памятников. К ним он относил речи, духовные завещания, уставы князей, «Правду Русскую», законы Ярослава, «Поучение Мономаха», «Слово о полку Игореве», прологи, жития святых, каталоги епископов, монастырские легенды и разные сочинения¹¹.

«Географическими» источниками у Полевого названы топонимические данные — выделение их в особую группу — достижение историка. Н. А. Полевой весьма скептически оценил источниковедческое значение устных источников по сравнению с письменными, хотя и признал целесообразность их использования¹².

Итак, перед нами продуманная классификация исторических источников с попыткой определить источниковедческую ценность их различных видов.

Более простая классификация исторических источников была предложена историком-археографом П. М. Строевым в его отчете о шестилетней работе Археографической экспедиции, зачитанном в Академии наук в декабре 1834 г., но опубликованном лишь в 1878 г.¹³ П. М. Строев писал: «Письменные памятники всех ветвей отечественной истории делятся на два разряда: I. *Акты*. II. *Писания*. Акты суть: а) государственные (договоры князей великих и удельных, сношения двора московского с иноземными государями, грамоты, уставы, указы относительно внутреннего управления, судопроизводства и проч.); б) юридические (бумаги, обеспечивавшие в свое время частные привилегии, собственность и проч.) ...Писания: а) летописи разных форм, более или менее полные, общие и частные; б) повести и сказания (наиболее баснословные) о событиях, победах, осадах городов, аскетические о праведниках и проч.; в) послания владык к своим паствам, переписки разных лиц, слова и отрывки разного содержания и проч., и проч.»¹⁴.

Как видно, Строев говорит только о письменных источниках. Деление источников на две большие группы (так называемые документальные и нарративные) получит в дальнейшем признание среди некоторых

¹⁰ Н. А. Полевой. История русского народа, т. 1, М., 1829, стр. LIII—LV.

¹¹ Там же, стр. LXXV.

¹² Там же, стр. LXXVII—LXXVIII.

¹³ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, СПб., 1878, стр. 276—278.

¹⁴ Там же, стр. 277. Впервые на классификацию П. М. Строева указал В. С. Иконников. Опыт русской историографии (далее: «Опыт...»), т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. V.

источниковедов, хотя, конечно, термины, которыми Строев их обозначил («Акты» и «Писания»), критики не выдерживают. Едва ли оправдано включение Строевым в раздел «Писания» и переписки — этот вид источника к данной группе никакого отношения не имеет. Надо отметить также, что П. М. Строев никак не мотивировал принятый им принцип деления источников: судя по всему, он рассматривал его просто как средство упорядочения материала при собирании и описании исторических источников.

В 1837 г. со своей системой классификации источников выступает Н. Г. Устрялов. В статье «Предположение об издании русских летописей и государственных актов» он делит письменные источники на 3 разряда.

I. *Исторические сочинения в собственном смысле*: летописи, степенные книги, хронографы, сказания об отдельных лицах и событиях, дворцовые записки, записки иностранцев о России.

II. *Акты государственные*:

1. Внутренние памятники законодательства; временные распоряжения правительства и разных ведомств по делам общим государственным и по частным случаям — окружные грамоты, постановления, приговоры и проч.; судебные акты по частным обыкновенным делам; разрядные книги; писцовые книги; родословные книги.

2. Внешние взаимные договоры великих и удельных князей; дипломатические отношения России с иностранными державами; статейные описки.

III. *Памятники словесности*: памятники духовного красноречия, догматические сочинения, полемические сочинения, философские сочинения, землеописания, естественнонаучные сочинения, медицинские сочинения, описания путешествий¹⁵.

Как и П. М. Строев, Н. Г. Устрялов касается классификации только письменных памятников. Его классификационная схема гораздо более подробна и детальна, чем предшествовавшие. Устрялов пытается на конкретных примерах проиллюстрировать принятую им систему, хотя и не всегда добивается при этом нужного результата. В частности, он помещает в число исторических сочинений и литературные труды («сказания»), и дворцовые записки, являющиеся делопроизводственным документом, а не «сочинением». К актам Устрялов относит и такие виды документов, которые к ним никакого отношения не имеют (разрядные, писцовые, родословные книги). Из памятников словесности в его схеме выпали произведения древнерусской литературы и т. д.

Но, несмотря на эти недостатки, классификация Н. Г. Устрялова является дальнейшим шагом вперед. Он верно объединил сказания иностранцев в одну группу с русскими сказаниями, обратил внимание историков на землеописания, естественнонаучные и медицинские сочинения и на описания путешествий (так называемые «Хождения»).

Н. Г. Устрялов дал и более широкую классификацию во «Введении» к своему учебнику русской истории, разделив все исторические источники следующим образом:

I. *Письменные*:

1. Сказания современников (летописи, дневники, записки, сказания, письма).

2. Акты государственные (уставы гражданские, военные, церковные, торговые; грамоты и указы по частным случаям; дела следственные; договоры дипломатические).

II. *Неписьменные*:

1. Изустные предания.

¹⁵ ЖМНП, 1837, ч. XIII, № 2, стр. 337—343. Впервые на эту работу Н. Г. Устрялова указал В. С. Иконников («Опыт...», т. II, кн. I, стр. IV—VII).

2. Остатки искусств, художеств и ремесел (здания, монументы, картины, монеты, одежда, оружие, домашняя утварь)¹⁶.

Обе классификации появились почти одновременно в 1837 г. Классификация письменных памятников в статье более подробно и детализирована. Обращает на себя внимание термин «остатки», впервые в русской историографии употребленный Устряловым.

В том же 1837 г. профессор Московского университета, литературный критик и этнограф Н. И. Надеждин, разбирая общетеоретический вопрос об исторической истине и достоверности, предложил свою схему классификации исторических источников.

I. *Естественные или физические (физико-географические):*

1. Следы великих физических переворотов земного шара, имевших более или менее близкую связь с судьбой рода человеческого (геологические признаки шестидневного образования вселенной и потопа; существование Мертвого моря на месте проклятого Пятиградия в древней Палестине; слой первородной лавы Везувия, под которым погребены были окрестности Неаполя в царствование Тита).

II. *Искусственные или собственно исторические:*

1. Безгласные (всякий остаток древности, носящий признаки человеческой работы, только без надписей, без всякого словесного знака — развалины городов, зданий, остатки укреплений, границ, кочевых провалов, оседлых хозяйственных работ, произведений изящных искусств, оружие, домашняя утварь. Это собственно должно называться памятниками).

2. Гласные или словесные (устные предания, надписи, письменные документы)¹⁷.

Надеждин обратил внимание на необходимость привлечения физико-географических данных для исторического исследования, и в этом его заслуга. Но как раз в данной области и сказалась порочность его методологии, ибо при помощи геологических сведений он пытался доказать вымыслы библейской истории (шесть дней творения, потоп и т. д.). Четко отделил Надеждин вещественные памятники от словесных, объединив в одну группу и письменные и устные источники. Следует учесть также, что Надеждин вопросами классификации источников занимался лишь попутно; поэтому, дав общую схему классификации источников в широком смысле слова, он отказался совсем от классификации важнейшего типа исторических источников — письменных¹⁸.

В обширном введении к своей «Русской истории» К. Н. Бестужев-Рюмин дал подробный и тщательно выполненный источниковедческий анализ важнейших видов исторических источников, который в отдельных частях не потерял своего значения и сейчас. Правда, научно обоснованной классификации Бестужев-Рюмин не дает, но самая последовательность источниковедческого анализа и изложение по главам и параграфам позволяют выделить следующие виды исторических источников: летописи, отдельные сказания и жития святых, записки (мемуары) и письма, памятники юридические и акты государственные, памятники словесности устной и письменной, памятники вещественные, сказания иностранцев¹⁹.

¹⁶ Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. 1, 862—1462 гг. СПб., 1837, стр. 5—8. Схематическое повторение этой же классификации см. Н. Г. Устрялов. Начертание русской истории для средних учебных заведений, изд. 2, СПб., 1839, стр. VIII.

¹⁷ Н. И. Надеждин. Об исторической истине и достоверности. «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, раздел III, стр. 142—143.

¹⁸ Ограниченный интерес представляет классификация доктора права, профессора Московского университета П. Г. Редкина. См. П. Г. Редкин. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 15 июня 1846 г., М., 1846, стр. 56—64. Однако несомненной его заслугой является обособление группы источников в качестве переходных от неписьменных к письменным (гербы, печати, орден, монеты и медали).

¹⁹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. 1, СПб., 1872, введение, стр. 18—208. Впервые его классификацию упомянул В. С. Иконников («Опыт...», т. II, кн. 1, стр. VIII).

В разделе «Летописи» автор рассматривает также и хронографы, степенные книги, синопсис и местные летописцы.

Под «сказаниями» он подразумевает описания какого-либо события (напр., «Сказание об Азовском сидении») или изображение жизни какого-либо лица («Сказание об Александре Невском»), т. е. включает в них жития святых. Отличие мемуаров от сказаний, по его мнению, заключается в том, что лицо автора выступает в мемуарах на первый план, поэтому «Сказание» Авраамия Палицына он относит к мемуарам; к ним же, непонятно почему, он причисляет «Житие святейшего патриарха Никона» его келейника — Шушерина. В одну группу с мемуарами Бестужев-Рюмин объединяет и письма, хотя это и совсем особый вид источника.

В понятие «акты» автор включает не только акты в современном смысле этого слова, но и все делопроизводственные документы. В этой группе автор особо выделяет договоры; грамоты духовные, уставные, судные, губные, жалованные, обельные; записные и кормчие книги; поручные и крестоцеловальные записи; наказы, памяти, отписки и т. д.

В устной поэзии автор выделяет песни, сказки, предания, заговоры, загадки, пословицы, в литературе — богословские сочинения, художественные произведения, научную литературу, хождения, естественнонаучные сочинения, публицистику. В группе вещественных памятников Бестужев-Рюмин выделяет остатки древних зданий, старинные вещи (одежда, вооружение), произведения искусства (фрески, мозаики, иконы, рисунки в книгах), монеты и медали, печати. Подробный источниковедческий обзор важнейших видов источников у Бестужева-Рюмина — заметное явление в источниковедении этого времени²⁰.

После работы Бестужева-Рюмина в русской исторической науке надолго устанавливается принятый им метод — не давая развернутой классификации, излагать материал систематически, выделяя основные виды источников. Таковы работы М. О. Кояловича, Ф. Я. Фортинского, В. В. Абазы и других историков²¹.

²⁰ К вопросу о понятии и классификации источников К. Н. Бестужев-Рюмин вернулся позже, в 1887 г. в рецензии на книгу Э. Фримана «Методы исторических занятий», Лондон, 1886 (См. К. Н. Бестужев-Рюмин. Методы исторических занятий. ЖМНП, 1887, № 2, стр. 311—312). В работе Г. Ф. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8/1—1654—30/V—1672 г.» (М., 1870) дается сравнительный анализ лишь двух основных видов исторических источников — актового и летописного материала, причем предпочтение отдается актам. Остальные виды исторических источников Г. Ф. Карповым не классифицированы. В 1870 г. в «Отечественных записках», № 1—3 была помещена (без подписи автора) статья П. Л. Лаврова «До человека», написанная им в конце 1869 г. в период его ссылки в Вологодскую губернию. В этой статье П. Л. Лавров выделяет несколько самостоятельных видов исторических источников: устные предания, наблюдения, размышления и свидетельства современников; остатки жизни прошлого времени; язык. Он проводит резкую грань между свидетельствами прошлого, намеренно переданными современниками потомству, и свидетельствами, невольно переданными в языке, в верованиях, предметах материальной жизни и т. д., отдавая явное предпочтение последним. (См. П. Л. Лавров. Собр. соч., III серия, вып. I. Статьи научного характера, Пг., 1917, стр. 1—9). Появившаяся в это же время классификация И. В. Лашнюкова примыкает к классификации Бестужева-Рюмина (См. И. В. Лашнюков. Пособие к изучению русской истории критическим методом, вып. 2, Киев, 1874, отдел II, стр. 1—70. Отд. отт. из «Киевских университетских известий» за 1873 г.).

²¹ Собственно М. О. Коялович классификации не касается, а дает лишь общий перечень источников, деля их на 3 большие группы и произвольно противопоставляя первую группу («Первоисточники») второй и третьей (II. Сказания иностранцев; III. Первые опыты прагматического изложения событий). См. М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, М., 1884, стр. 11—96. Ф. Я. Фортинский все исторические источники делит на писанные, устные и вещественные. Устных источников он не касается совсем, вещественные перечислены им подробно, а писанные разделены на официальные и частные. Однако, относя акты к первой группе, а летописи ко второй, он совершает очевидную ошибку (См. Ф. Я. Фортинский. Опыты систематической обработки исторической критики, Киев, 1884, стр. 13, 27. Отд. отт. из «Киевских университетских известий», 1884, № 8). Ценность статьи — в по-

Значительным явлением в области разработки классификации источников был выход в свет известного труда В. С. Иконникова «Опыт русской историографии». Еще в первой книге своего исследования автор сослался на труды Дрейзена и Бернгейма в определении «остатков» и «традиций» и присоединился к господствовавшей в то время в западноевропейской историографии точке зрения о делении исторических источников на письменные, устные и вещественные, причем в письменных источниках он выделил официальные акты и частные произведения. В этой же книге В. С. Иконников в осторожной форме присоединился к точке зрения Бернгейма об объективности «остатков» и субъективности «традиций»²².

Однако целостную и разработанную классификацию источников В. С. Иконников дал лишь в I книге II тома своего труда. Он подробно изложил основные системы классификации исторических источников, принятые в то время в западноевропейской историографии (Дрейзен, Бернгейм, Пертц, Эстерлей, Финкель) и в русской исторической литературе (Строев, Устрялов, Редкин, Бестужев-Рюмин, Коялович). Вслед за тем В. С. Иконников дает и свою собственную классификацию исторических источников и делит их на три большие группы:

1. *Памятники, служащие выражением частной деятельности* (летописи, литературные произведения).

2. *Памятники, служащие выражением правительственной деятельности* (акты дипломатические, памятники законодательства, акты юридические).

3. *Материалы, сообщаемые вспомогательными знаниями* (географические, этнографические данные и вещественные памятники).

При этом необходимо заметить, что первые две группы В. С. Иконников называет «историческими материалами», а третью группу — «вспомогательными источниками»²³.

Как видно, у Иконникова нет единого принципа деления исторического материала. Помещение тех или иных видов источников в разные группы мало оправдано. Например, летописи могут быть и частными и государственными, равно как и всевозможные акты и делопроизводственные материалы. Заслуга В. С. Иконникова заключается, главным образом, в приведении в систему всех предшествовавших точек зрения по данному вопросу, в тщательном и точном изложении взглядов ученых на классификацию исторических источников.

Классификация исторических источников в университетском курсе С. Ф. Платонова сложилась к 1894 г., когда и вышло первое литографированное издание его лекций. В дальнейшем курс его выдержал много изданий (последнее вышло в 1917 г.), но никаких изменений в эту часть лекций он не внес. Не касаясь принципа разделения источников, С. Ф. Платонов характеризует отдельные виды и дает их обзор в следующем порядке: летописи; хронографы; литературные повести и сказания исторического и публицистического характера (сюда же входят мемуары, жития святых, сказания иностранцев); памятники историко-

дробном изложении взглядов Смедта и Тардифа на источниковедение. В. В. Абаза в довольно распространенном в свое время учебнике «История России» перечисляет основные виды исторических источников. Хотя изложение материала повторяет схему К. Н. Бестужева-Рюмина, оно все же было шагом назад, ибо Абаза включил в одну группу государственные бумаги иностранных архивов и литературные произведения, а «Историю князя великого Московского» Курбского причислил к мемуарам и пр. (См. В. В. Абаза. История России в трех частях, СПб., 1886, стр. 1—4).

²² «Опыт...», т. I, кн. I, стр. 2, 33—39, 49. В эти же годы весьма кратко и лишь попутно коснулся вопроса классификации исторических источников Ф. И. Леонтович в своей «Истории русского права». Его классификация полностью, без каких-либо изменений повторяет перечень источников К. Н. Бестужева-Рюмина. См. Ф. И. Леонтович. История русского права. Университетский курс, вып. I, Одесса, 1892, введение, стр. 45.

²³ «Опыт...», т. II, кн. I, стр. IV—IX.

юридического характера (акты, грамоты, договоры, законодательные памятники, судебные и судопроизводственные памятники, челобитья, приказные книги, разряды, дипломатические материалы)²⁴.

С. Ф. Платонов сознательно классифицирует лишь древние источники до эпохи Петра I, полагая, что материал нового времени достаточно ясен и не нуждается в какой-либо классификации. Он правильно объединил повести, жития, сказания иностранцев, мемуары в одну группу источников историко-литературного характера. Другая большая группа актового и делопроизводственного материала названа им не совсем удачно — «памятники историко-юридического характера». Под это определение, например, не подходят включенные им сюда дипломатические материалы, некоторые челобитья, разрядные книги и т. д.

В. О. Ключевский в курсе лекций по источниковедению 1894 г. дал определение исторических источников и их классификацию. Он делит исторические источники на два главных разряда:

I. *Памятники* (т. е. остатки жизни и деятельности людей, известного времени).

1. Вещи. 2. Произведения слова — а) акты, деловые документы, б) произведения мысли, словесности, чувства, воображения, выраженные в словесном или письменном виде (вся словесность).

II. *Воспоминания* (наблюдения современников, которые в письменном или устном слове передают явления и события времени): летописи; записки; отдельные сказания о событиях или лицах; повествовательные письма; песни, пословицы, изречения, предания²⁵.

Недостатком классификационной системы В. О. Ключевского является трудность, а порою и невозможность отнесения того или иного вида исторического источника в ту или иную группу. Так, всю литературу Ключевский отнес к числу остатков, а отдельные сказания о лицах и событиях — к традиции (воспоминания). Но где та грань, которая отделяет сказание как воспоминание о чем-то от сказания как художественного произведения? «Слово о полку Игореве» — это «памятник» или «воспоминание»? Неясен вообще принцип выделения «воспоминаний» в особую группу, потому что они, как и акты и деловые бумаги, — тоже «произведения слова».

Значение источниковедческого курса Ключевского — в блестящем анализе отдельных видов исторических источников, однако их классификация — наиболее уязвимая часть курса. Курс источниковедения Ключевского был фактически первым специальным курсом на эту тему, подводившим итоги предшествовавшей работы русской буржуазной историографии в этой области. Следует иметь также в виду, что Ключевский не закончил обработки своего курса, и нам приходится пользоваться незавершенными его трудами для характеристики его взглядов на исторические источники и их классификацию.

В работе Н. И. Кареева «Теория исторического знания» в пятой главе («Разные роды и виды исторических источников») рассматривает-

²⁴ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Общий курс, ч. I, СПб., 1894, стр. 33—76.

²⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. VI, М., 1959, стр. 479. Несмотря на то, что вопросы классификации исторических источников к концу XIX в. были сравнительно подробно исследованы, и в то время продолжали появляться работы, касавшиеся этой проблемы лишь попутно (См. И. Н. Бороздин и С. М. Середонин. Русская история. Литографированный курс, т. I, СПб., 1899, стр. 17—45, 140—176; С. М. Середонин. Лекции по русской истории, СПб., 1899, стр. 94—114). Н. П. Лихачев, читая свой курс дипломатики в Петербургском археологическом институте, белго коснулся вопроса классификации письменных источников, которые он делит на 2 большие группы: 1) дипломатические или документальные источники и 2) литературные повествовательные памятники (летописи, хроники, мемуары, сказания, дневники, воспоминания и т. д.). Н. П. Лихачев отдает решительное предпочтение в смысле достоверности и точности сообщаемых сведений первой группе, хотя и не отрицает возможностей фальсификации документов этого рода (см. Н. П. Лихачев. Дипломатика, СПб., 1901, стр. 7—8).

ся, в частности, и вопрос классификации исторических источников, говорится об определении исторического источника, терминологии и понятиях. Автор приходит к выводу, что историческая наука до сих пор не выработала точного принципа разделения (*principum divisionis*), на основе которого можно было бы точно классифицировать исторические источники. Он оговаривается поэтому, что резких, непроходимых граней между различными группами источников нет.

Н. И. Кареев присоединяется к точке зрения немецкого источниковедения и делит источники на две большие группы — *остатки* и *предания* (свидетельства). К первой он относит все вещные предметы, остатки зданий и сооружений и те из памятников письменности, которые создавались «для удовлетворения непосредственных жизненных нужд, для достижения чисто практических целей, а не ради увековечения в памяти любознательного потомства каких-либо событий»²⁶. Это — «деловые бумаги, акты, грамоты, документы, приказы, рапорты, протоколы, судебные приговоры, прошения, всякие податные списки, счета, описи, приходо-расходные книги, всякие письма к родным, к друзьям, к знакомым, всякие манифесты, прокламации, воззвания, программы политических партий, публицистические статьи, политические брошюры, всякие рекламы, объявления, театральные афиши, торговые вывески, товарные этикетки — все это и бесчисленное множество разных других памятников»²⁷.

Н. И. Кареев считает деление источников на «остатки» и «предания» имеющим большое значение для определения приемов изучения источников: для свидетельств о прошлых фактах главный вопрос заключается в том, насколько они достоверны, для остатков же основной вопрос — насколько они подлинны. Кареев особо отмечает значение словесных источников для историка, как устных (рассказы, саги, сказания, анекдоты, пословицы, песни, т. е. вообще фольклор), так и письменных. Особый вид источников, не словесных, но и не совсем немых, представляют собой всякого рода изображения (статуи, бюсты, барельефы, картины, рисунки, чертежи, планы, карты и т. п.).

Ко второй группе («традиция» или «свидетельства») Н. И. Кареев относит те источники, которые создавались с целью «служить сохранению в памяти и передаче потомству фактов прошлой жизни»²⁸. Это — анналы (летописи), хроники, хронографы, мемуары, воспоминания, автобиографии, дневники, жизнеописания, биографии, жития святых.

Предложенная Н. И. Кареевым система классификации источников не отличается новизной. Он лишь тщательно и добросовестно пересказал все, что было сделано западноевропейским источниковедением. Его попытки наполнить схему живым содержанием на основе русского материала не всегда удачны, — чего стоит, например, большой перечень различных видов исторических источников, подводимых им под понятие «остатков»! Само собой разумеется, что и в группе «традиция» не все безоговорочно может быть принято нами; автобиографии и дневники, например, могли создаваться вовсе не с целью передачи потомству фактов прошлой жизни, а и для достижения чисто практических целей.

Значение работы Н. И. Кареева — в ясности и простоте изложения вопроса, в живости подачи материала. Книга Н. И. Кареева сложилась из его лекций, читанных с 1907 г. на Высших женских курсах в Петербурге. В предисловии автор сам отмечает большое значение книг Бернгейма и Ланглуа для его работы и стремление популяризировать изложение материала с целью большей его доступности. Классификация Н. И. Кареева, отличающаяся крайней эклектичностью, весьма характерна для его методологических взглядов. Типичный эклектик-идеалист,

²⁶ Н. И. Кареев. Теория исторического знания, СПб., 1913, стр. 95.

²⁷ Там же, стр. 94—95.

²⁸ Там же, стр. 99.

примыкавший к субъективно-социологической школе, Н. И. Кареев и не мог подняться до материалистического понимания исторического источника и принципов классификации. Не понимая принципиального различия между марксизмом и экономическим материализмом, Н. И. Кареев все больше и больше скатывался в своих социологических и историко-философских работах к идеализму.

Новый период в разработке классификации исторических источников в буржуазном источниковедении начинается с известного труда А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в котором он дал наиболее продуманную и теоретически обоснованную систему классификации источников. Не касаясь общей оценки его труда²⁹, остановимся более подробно на интересующем нас вопросе, которому автор посвятил целую главу своей книги.

А. С. Лаппо-Данилевский прежде всего подчеркивает, что можно классифицировать источники с самых разных точек зрения, в зависимости от целей исследования. Самой общей такой целью он считает деление исторических памятников с точки зрения их источниковедческой ценности. Такая ценность, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, зависит от того, изображает ли источник исторический факт (т. е. рассказывает о нем, описывает и т. д.) или же обозначает его (т. е. сам является частью исторического события или факта, остатком от него). Поэтому автор и делит все исторические источники на две большие группы: *источники, изображающие и обозначающие факт*. В сущности, это деление, как замечает и сам А. С. Лаппо-Данилевский, совпадает с делением источников на вещественные и письменные, хотя и имеет, как мы видим, совсем иное теоретическое обоснование. Автор отмечает, что бывают, конечно, и такие источники, которые одновременно и обозначают исторический факт и изображают его.

Следовательно, с источниковедческой точки зрения, по степени близости историка к познанию исторического факта источники делятся на отражающие факт (или остатки культуры) и изображающие факт (исторические предания). Один и тот же источник по А. С. Лаппо-Данилевскому может рассматриваться и как остаток и как предание, а целая группа источников, такие, как, например, прозвища царей и других лиц, монументы или медали в честь деятелей и событий, описания торжеств и т. д., являются источниками смешанными.

Понятно, что и остаток культуры и историческое предание могут содержать в себе разное количество данных для характеристики исторического факта. Поэтому все остатки культуры А. С. Лаппо-Данилевский делит на *воспроизведения* (например, язык, нравы, обычаи, учреждения, т. е. все то, что было раньше и может в известной степени повторяться, воспроизводиться вновь), пережитки (например, некоторые элементы языка, разные игры, обряды, нравы, учреждения, т. е. все то, что хотя и живет в настоящее время, но не соответствует в полной мере прошлому) и *произведения культуры* (например, предметы древности, произведения литературы, документы и т. д.).

Исторические предания А. С. Лаппо-Данилевский делит на чистые (т. е. основанные на личном восприятии — рисунки и рассказы очевидца, мемуары, надписи, отчасти былины, сказания и т. д.) и смешанные (т. е. основанные на опосредствованном восприятии — жития, биографии, сказания, летописи). Чистые предания, в свою очередь, делятся на описательные (анналы, дневники) и оценочные (мемуары, сказания). Смешанные предания делятся на производные и составные. Деление по форме изображения (устные, письменные, образные) автор считает из-

²⁹ См. характеристику его взглядов в статье Л. В. Черепнина «А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» («Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 30—51).

лишним, так как источниковедческая сущность источника таким делением не подчеркивается и не выявляется.

А. С. Лаппо-Данилевский дает и возможную другую классификацию источников — по содержанию — и делит, исходя из этого принципа, источники на источники с фактическим содержанием и с нормативным содержанием. Первая группа в свою очередь делится на источники с идейным содержанием (предметы культа, произведения прозаической и поэтической литературы) и с бытовым содержанием (предметы бытовой техники, деловые бумаги и т. д.), в свою очередь делящиеся на источники частного и государственного быта.

Источники с нормативным содержанием делятся на чисто нормативные (трактаты по логике, система законодательства, моральное учение) и утилитарно-нормативные (правила техники, правила стихосложения, памятники обрядового характера, обычного права, юридические акты, памятники законодательства и т. д.)³⁰.

При выходе в свет книги А. С. Лаппо-Данилевского его система классификации возражений не встретила³¹. Впервые идеалистический смысл обеих систем классификации А. С. Лаппо-Данилевского вскрыл Л. В. Черепнин в уже цитированной выше статье³². Критерием деления у Лаппо-Данилевского служит «фактор человеческой психики». Особенно порочна попытка А. С. Лаппо-Данилевского фетишизировать абстрактную «норму» (как правило человеческого поведения) и в связи с этим группу источников с нормативным содержанием.

К той критике идеалистической сущности классификации источников у А. С. Лаппо-Данилевского, которую мы находим у Л. В. Черепнина, можно добавить немного. Следует отметить прежде всего большую условность всех группировок в схеме А. С. Лаппо-Данилевского и трудности, а зачастую и невозможность отнесения того или иного источника к той или иной группе. Как, например, отделить чисто нормативные источники от утилитарно-нормативных? Где грань, отделяющая источники с идейным содержанием от источников с бытовым содержанием? Как отделить документы частного быта от быта государственного? Еще более сложно отделить «воспроизведения» от «пережитков», особенно в языке и в бытовых обычаях и нравах, ибо даже у специалистов — этнографов и лингвистов — нет единства во взглядах на то, представляет ли собой данное явление пережиток или же оно бытует как живое, развивается и порождает себе подобные. Так же условно деление исторических преданий на чистые и смешанные и т. д. Неокантианская философская система, лежащая в основе «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, не позволила ему найти верных критериев и в вопросе классификации источников³³.

К каким же выводам можно прийти в результате изучения историографии вопроса о классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв.?

³⁰ А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*, вып. II, СПб., 1913, стр. 380—404.

³¹ См. Н. Д. Кондратьев. *Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского*. «Историческое обозрение», 1915, т. 20, стр. 115.

³² Л. В. Черепнин. *Указ. соч.*, стр. 44—45.

³³ В непосредственной зависимости от классификации А. С. Лаппо-Данилевского стоит классификация источников у В. М. Хвостова. (См. В. М. Хвостов. *Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории*. Курс лекций. Изд. 2, М., 1914, стр. 295—297). У автора нет четкого критерия для отнесения того или иного источника к «традиции» или к «остаткам», ряд источников (например, надписи) он помещает и в ту и в другую группу, перечень отдельных видов исторических источников в различных группах неполон и часто случаен и т. д. В определении исторического источника В. М. Хвостов примыкает к А. С. Лаппо-Данилевскому. Не случайно и то, что вопроса классификации источников В. М. Хвостов коснулся лишь во втором издании своего труда, после выхода в свет книги А. С. Лаппо-Данилевского. В первом издании автор о классификации не говорит совсем, отсылая читателей к работам Бернгейма, Моно и Сеньбоса.

С самого начала своего становления русская историческая наука уделяла значительное внимание вопросу выделения и источниковедческого анализа исторических источников. Первые классификационные схемы появились в русской исторической науке в конце 20 — начале 30-х гг. XIX в. В дальнейшем русские историки, творчески осваивая достижения зарубежного источниковедения, достигли серьезных результатов в изучении этого вопроса и оставили нам блестящие образцы источниковедческого анализа отдельных видов исторических источников.

Однако идеалистическая сущность русской буржуазной исторической науки вообще и источниковедения в особенности отрицательно сказалась на определении и классификации исторических источников. Одна часть историков присоединилась к западноевропейским идеалистическим системам классификации, другая отказалась вообще от теоретического решения этой проблемы, ограничившись разработкой классификации в учебно-прикладных целях. Немногие оригинальные системы классификации исторических источников (например, А. С. Лаппо-Данилевского) также были идеалистическими в своей основе.

Основной заслугой русского буржуазного источниковедения был подробный анализ важнейших видов исторических источников (особенно таких, как летописи, хронографы, законодательные памятники, жития, акты и т. д.), их публикация, приведение в известность громадного разнообразия исторического материала. Русское буржуазное источниковедение создало прочную основу для изучения вопроса о классификации источников, а также попыталось систематизировать и классифицировать исторический материал. Однако научное материалистическое решение данного вопроса — дело советского источниковедения.

Советская историческая наука, как правильно указали на это С. М. Каштанов и А. А. Курносков³⁴, критически подошла к наследию буржуазного источниковедения вообще и к вопросу о классификации источников в частности. Принимая специфическую терминологию и выделение различных видов исторических источников, советские историки изменили самую сущность источниковедения, внесли новое, материалистическое понимание и в определение исторического источника и в выбор того принципа, который должен быть положен в основу классификации. В определении этих принципов советские историки исходят из учения диалектического и исторического материализма, являющегося методологической основой советской исторической науки. И в этом принципиальное отличие советского источниковедения от буржуазных схем классификации, хотя некоторые терминологические понятия и определения, естественно, являются общими. Отмечу важнейшие системы классификации источников, утвердившиеся в советском источниковедении за последние годы, что даст возможность показать принципиальное, методологическое отличие советских систем классификации источников от принятых в буржуазном источниковедении.

Наиболее распространенной и широко утвердившейся системой классификации источников в советской исторической науке является *классификация по видам*. Странники этой классификации, следуя материалистическому пониманию единства содержания и формы исторического источника, в основу классификации кладут его форму. Под формой (или видом) исторического источника понимается внутреннее, присущее содержанию построение источника.

Однако исторический источник, как и всякое явление, постоянно развивается, и в этом развитии его форма отстает от содержания, а на не-

³⁴ См. С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 173. Историографии данного вопроса касается как настоящая статья, так и статья М. К. Макарова «О принципах классификации письменных источников (Историография вопроса)». «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16, М., 1961, стр. 15—28.

котором этапе и вступает с ним в противоречие. Определенная статичность, устойчивость формы давно уже отмечена источниковедением. Известны, например, такие виды актового материала, которые присущи всем историческим формациям, начиная от феодализма кончая социализмом (например, купчая), и такие виды, которые характерны лишь для одной формации (например, летописи). Вот эта устойчивость формы исторического источника, относительная ее самостоятельность, ее тесная связь с содержанием источника и определили устойчивость приемов изучения этой формы, общность способов анализа отдельных видов исторических памятников. Исходя из этого исторические источники по методу их анализа и делятся на вещественные, письменные, устные (фольклорные), этнографические и лингвистические (языковые). Каждая из этих групп источников имеет свой собственный метод анализа; внутри каждой группы источники делятся также по методам изучения; так, фольклористика классифицирует свой материал по жанрам (песни, сказки, пословицы и т. д.), историческая наука — по видам (летописи, хронографы, акты и т. д.) и пр.

Кладя в основу классификации видовой признак, сторонники этой схемы учитывают постоянное изменение содержания исторического источника и поэтому дают схему классификации не для всех веков и стран одну, а для каждого исторического периода особую. Это и естественно, ибо с течением времени одни виды исторических источников (летописи, хронографы, например) отмирают, другие возникают вновь (периодическая печать, листовки, фото-кино-фономатериалы). Поэтому схема видовой классификации источников периода древнерусского государства отличается, естественно, от схемы периода монополистического капитализма или истории СССР советского периода.

Наиболее последовательное выражение эта схема получила в трудах акад. М. Н. Тихомирова³⁵, В. К. Яцунского³⁶, кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института³⁷. Следует отметить, что теоретическое обоснование этой системы классификации еще недостаточно; особенно уязвимо определение вида исторического источника — советские историки пока не достигли полного взаимопонимания по этому вопросу.

Сторонники другой системы классификации исторических источников также исходят из признания единства содержания и формы исторического источника. Однако, основываясь на бесспорном примате содержания над формой, некоторые советские историки в основу классификации положили не форму (вид) исторического источника, а то *содержание*, те сведения, которые можно из него почерпнуть.

Согласно этому принципу все многообразие видов исторических источников сводилось к трем большим группам: «источники, характеризующие: а) социально-экономическую историю, б) историю внешней и внутренней политики, в) историю общественно-политической мысли и культуры»³⁸. Этой схеме классификации, выдвинутой А. А. Зиминым и поддержанной Л. В. Черепниным, нельзя отказать в стройности. В основу ее положен один из основополагающих принципов диалектического и исторического материализма.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940; Е го же. Источниковедение истории СССР, вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие, М., 1962.

³⁶ В. К. Яцунский. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. II, М., 1958, стр. 133—139.

³⁷ «Программа курса „Источниковедение истории СССР“ (для Московского государственного историко-архивного института)», М., 1954; М., 1957.

³⁸ «Программа курса „Источниковедение истории СССР“» (рукопись), М., 1950, стр. 1.

Однако вполне допустимая с теоретической точки зрения классификация исторических источников при проверке ее практикой источниковедческого анализа и преподавания оказалась несостоятельной. Авторы этой схемы не учли, что памятники комплексного характера — такие, как летописи, «Русская Правда», хронографы и т. д., содержат сведения, характеризующие и социально-экономические отношения, и историю внешней и внутренней политики, и, наконец, историю общественно-политической мысли и культуры. Следовательно, ни к одной из предложенных рубрик такие памятники отнесены быть не могут. Нельзя не учесть и того, что при данной системе классификации в одну группу попадают памятники самого различного характера, требующие разных приемов анализа: например, в группу источников, характеризующих социально-экономическую историю, войдут и летописи, и хронографы, и «Русская Правда», и акты, и делопроизводственные документы, и некоторые повести, и печать, и т. д. Перед авторами этой системы классификации стоит задача практического утверждения тех теоретических принципов, которые положены в ее основу.

Авторы третьей системы классификации — С. М. Каштанов и А. А. Курносков в основу своей схемы кладут принцип *происхождения документа*, полагая, что именно оно является наиболее объективным показателем, связанным с закономерностями внутренней структуры общества. Под происхождением они понимают «сумму признаков, определяющих место источника в общественной жизни, их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления»³⁹ и различают три большие группы (три типа) источников: источники, возникшие в сфере социально-экономических отношений; источники, возникшие в сфере социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; источники семейно-личного происхождения.

Эта система классификации существенно отличается от всех предшествовавших; в основу ее кладется не то, что отражается в источнике (классификация по содержанию), и не то, в какой форме отражается в источнике реальная действительность (классификация по видам), а то, как, каким образом отражается реальная действительность в источнике в силу специфики происхождения последнего.

Понятие происхождения может быть положено в основу классификации, однако практическое претворение в жизнь этого принципа наталкивается на серьезные затруднения. Как и в предшествовавшем случае, есть такие памятники, которые возникли и в сфере социально-экономических отношений и в сфере социально-политической борьбы одновременно, ибо это — две стороны одного процесса. Такова, например, «Русская Правда», некоторые разновидности актов и т. д. Источники семейно-личного происхождения могли возникать и в сфере социально-политической борьбы (переписка государственных деятелей), и в сфере общественной мысли (письма Панаевой, например) и культуры (переписка Горького). Определение происхождения дано авторами расплывчато и нечетко; оно многопланово — включает в себя и целевое назначение (что к происхождению, естественно, не относится!), и обстоятельства появления (т. е. причину возникновения).

Существенным недостатком данной системы классификации является и то, что авторы ее, изложив основные принципы, не дали примеров практического их воплощения в жизнь, т. е. не создали классификационной схемы. Большинство выступавших на обсуждении указанной статьи отвергло предложенную авторами систему⁴⁰. Перед ними стоит

³⁹ С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Указ. статья, стр. 179.

⁴⁰ См. выступления В. А. Кондратьева, Е. А. Луцкого, Д. В. Ознобишина, А. А. Новосельского, Л. Н. Пушкарева, В. В. Фарсобина, Л. В. Черепнина и др. («Исторический архив», 1962, № 4, стр. 186—199).

задача доказать правомерность привлечения понятия «происхождение источника» в качестве основного и единственного принципа классификации письменных исторических источников или даже исторических источников в широком смысле этого слова, включая памятники вещественные, устные, этнографические и лингвистические.

Советская историческая наука, выработав эти три основные системы классификации, вовсе не отказывается от применения и некоторых других приемов систематизации исторического материала. Таково деление письменных источников на документальные и повествовательные (или нарративные) или классификация источников по форме (беловые, черновые, оригиналы, размноженные оригиналы, копии). В. И. Стрельский считает возможным применять различные системы классификации. Так, он выделяет как равноправные следующие классификационные принципы для письменных источников: по классовому признаку; по происхождению (служебные и личные); по технике и способам воспроизведения; по значению, объему и характеру; по форме (беловые, черновые и т. д.); по подлинности (подлинные, подложные и т. д.); по документальности (актовые и повествовательные); по содержанию⁴¹.

Повысившийся за последнее время интерес к теоретическим проблемам источниковедения не случаен, он связан с освобождением исторической науки от субъективизма и произвола в оценке сущности исторического процесса. Одной из важных задач советского источниковедения является создание обобщающего труда по методике источниковедческого анализа, включающего в себя вопрос о классификации исторических источников вообще и письменных исторических источников в частности. Эта классификация, основанная на принципах диалектического и исторического материализма и тесно связанная с классификацией наук, открытой еще Ф. Энгельсом⁴², должна быть единой и всеобъемлющей лишь для исторических источников в широком смысле этого слова. При классификации же письменных исторических источников возможно использование различных принципов классификации в зависимости от ее целей (ибо не может быть классификации ради самой классификации!), лишь бы был соблюден единичный *principium divisionis*, положенный в ее основу, и лишь бы он исходил из объективных, присущих самому источнику данных и свойств. Ибо нельзя все постоянно меняющееся и развивающееся многообразие видов и разновидностей исторических источников втиснуть в прокрустово ложе одной классификационной схемы. Опыт и зарубежного, и русского буржуазного и советского источниковедения показывает, что при любой системе классификации всегда могут быть найдены такие источники, которые или не подойдут ни к какому разделу, или будут занимать промежуточное положение между несколькими разделами. Любая классификация условна и всегда беднее и схематичнее живой и многообразной действительности.

Значит ли это, что от классификации источников нужно отказаться вообще? Конечно, нет. Обширность исторического материала неизбежно выдвигает задачу его классификации. Каждый исследователь в своей работе обязательно систематизирует анализируемый материал. Задача источниковедения и заключается в том, чтобы указать историку пути и возможные, допустимые принципы и формы этой систематизации.

---

⁴¹ В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, Киев, 1961, стр. 37—47. В более поздней (и, правда, более частной) своей работе «Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г.» (М., 1962) автор, допуская возможность различных систем классификации, сам склоняется к общепризнанному делению источников по видам (стр. 27). Критику эклектической точки зрения В. И. Стрельского см. в указ. статье С. М. Каштанова и А. А. Курносова, стр. 178.

⁴² См. об этом Б. М. Кедров. Классификация наук, кн. 1, М., 1961.